

Сун У Хён максимально понизил голос, стоя на вершине платформы.

"Баки, Кингурэй, Сукули, Умбику, Сонгой... Я называю вас всех членами совета 100 по имени Намир. Те, кто не смог войти в совет, будут названы частью совета из 10 членов."

"Спасибо."

"С этого момента ответ будет даваться в приветствии".

Сунь У Хён научил совет 100 членов и совет 10 членов движениям приветствия. После многократной тренировки в течение 20 или около того раз получилось похожее движение.

"Дворецкий, принеси повязку совета 10 членов".

"Есть, сэр!"

Многократная практика наконец-то дала свои результаты. Салюты появились там, где они были не нужны. Сунь У Хён раздал повязки 10 членов совета 100 членам совета.

"Совет 100 членов теперь передаст 10 членам совета свои повязки. С этого момента вся работа будет выполняться в группах по 10 человек. Если работа совета 10 членов будет признана недостаточной, совет 100 членов сообщит об этом своему лидеру и заберет свои повязки. Понятно?"

"Да, сэр!"

Сунь У Хён решил, что этого достаточно. Он мог сам контролировать 14 членов совета 100, но не мог одновременно контролировать 10 членов совета.

Сунь У Хен упивался властью. Поток людей, которые двигались по его приказу, и истинная власть в награждении повязок по его воле - он упивался сладостью всего этого. Он не понимал, что повязка может превратить невинного человека в чудовище. Он недооценил силу повязок, которые давали невежественным людям.

"С этого момента вы разделитесь на группы по 100 и 10 человек. Совет из 10 человек будет стоять перед группами из 10 человек, а совет из 100 человек будет стоять перед группами из 100 человек. Встаньте в ряды!"

"Есть, сэр!"

После некоторого замешательства и криков, шеренги войск 5 на 10 покрыли все поле.

"Все, слушайте хорошо. Я узнал, что ваша зарплата составляет 10 франков в месяц.

С этого месяца я, Намир, увеличиваю вашу зарплату до 20 франков с помощью полномочий, предоставленных мне Азраилом и госпожой Эдель".

Прозвучало взрывное заявление. Сунь У Хён знал, что консервативные социалистические толпы будут очень заморожены внезапной реформацией и стимулами.

"Ух!"

"Ура!" - ликовали рабочие.

"Совет из 100 членов будет получать 50 франков, а совет из 10 членов - 30 франков. Однако член совета будет уволен, если кто-то не справится с работой и неоднократно займет последнее место в отчетах о проделанной работе."

"Ух!"

Совет из 100 членов и совет из 10 членов ликовали по поводу внезапного повышения зарплаты и своего нового положения.

"Дворецкий, я даю вам один месяц. Сделай столовую в домиках рабочих. Сделай его достаточно большим, чтобы все рабочие могли удобно питаться".

"Да, сэр!"

Дворецкий превратился в повторяющийся автоответчик.

"Я назначу часовой перерыв после вашей утренней смены, начиная с завтрашнего дня. Поешьте и отдохните с комфортом. Ферма обеспечит вас трехразовым питанием, как только оно будет готово".

"Да!"

"Да, сэр!"

Раздалось бурное ликование. Это было предсказуемо. С тех пор как Ник стал владельцем фермы, их предполагаемое двухразовое питание сократилось до одного. Рабочим приходилось пропускать завтрак или искать еду самим. Большинство заменяло еду, поедая нераспустившиеся бутоны хлопчатника.

Увеличилось число рабочих, зараженных диареей или паразитами. Очевидно, что их работоспособность упала. Они продолжали работать до смерти, чтобы увеличить урожай. Независимо от того, сможет ли Сунь У Хён остановить этот жестокий цикл или нет, это было то, чего следовало ожидать.

Фермеры ели только два раза в день, даже когда рядом был доктор Эдель. Тех, кто стремился к трехразовому питанию, среди чад было меньше одного процента. Трехразовое питание было для них взрывным провозглашением.

Я слуга Вакиля. Я не могу позволить им умереть с голоду.

Сунь У Хён дал им все.

Его расчеты были просты. Провал социализма был результатом игнорирования жадности индивидуума к достижениям. Разве он тоже не был разочарован? Была огромная разница между теми, кто работал, не встречая его взгляда, и теми, кто работал так, словно работа принадлежала им.

"Ваша основная зарплата будет составлять 20 франков. Будут выплачиваться премии в зависимости от ежемесячного роста вашей производительности по оценке совета 100 членов и совета 10 членов. Суждение будет основано на вашей производительности и лояльности. Первая группа из 100 человек получит 1 500 франков, вторая группа - 1 000 франков, а третья группа - 500 франков. Вознаграждение для совета из 10 членов будет больше. Первая группа из 10 человек получит 200 франков, вторая - 100 франков, а третья - 50 франков".

"Вот это да!"

Восклицания разнеслись по всей ферме. Конец рта Сунь Ухёна приподнялся. Вакиль определенно планировал что-то грандиозное. Он решил прочесть часть мыслей Вакиля.

Получит ли он 10 прибыли от 10-долларовой инвестиции или 40 прибыли от 20-долларовой инвестиции? Так говорил Черная Мамба.

Вакиль проверяет меня.

Вакиль не любил подавления и придавал большое значение результатам, основанным на усилиях. Он говорил, что гуманистическое отношение и надежда на улучшение условий жизни изменят Африку.

Я собираюсь показать Омбути, что я более полезен, чем он.

Глаза Сунь Ухёна полыхнули огнем.

"Ты, тот, кто несет джембе[1]".

Рабочий, которого внезапно окликнули, в замешательстве обернулся.

"Да, ты. Как тебя зовут?"

"Это Спуди, господин".

"К какой группе ты принадлежишь?"

Спуди посмотрел на советника из 10 членов с обеспокоенным выражением лица. Кто-то из совета 100 членов подбежал к нему и прошептал свою организацию на ухо Спуди.

"Я в пятой группе 100 членов и третьей группе 10 членов".

"О! Хорошая работа".

Сунь У Хён бросил Спади монету в один франк.

"Спуди, если пятая группа из 100 человек займет первое место, а третья группа из 10 человек также займет первое место, сколько ты заработаешь?".

Спуди некоторое время ломал голову, прежде чем поднять голову.

"55 франков, сэр!" - крикнул он.

"О, хорошая работа".

Сунь У Хён бросил ему еще один франк.

"Все верно. Это значит, что лучшие 10 участников из группы в 10 человек получают дополнительные 55 франков".

"Йеёёёёёёёёё!"

Когда была объявлена реальная премия, по всему помещению прокатился гул.

"Тишина, у рабочего, показавшего самые низкие результаты среди группы из 100 членов и группы из 10 членов, из основной заработной платы будут вычтены два и три франка соответственно. Если и группа из 100 человек, и группа из 10 человек, в которой вы участвуете, займут последнее место, вы получите 15 франков".

Лицо Спуди сморщилось. Разница между 55 франками и 15 франками была слишком велика. На 55 франков он мог бы купить мясо для своей семьи. Лицо Спуди пылало от жадности.

Рот Сунь У Хена дрогнул в улыбке. Это была основная стратегия кнута и пряника.

"Я назначу дворецкого Баронго, который является представителем 1000 членов этой фермы, главным надсмотрщиком. Каждый совет из 100 членов и совет из 10 членов будет слушать приказы Баронго о выполнении своей работы и проверять ее. Баронго, выйди вперед".

Сунь У Хён повязал черную повязку вокруг левой руки Баронго.

"Черный цвет символизирует благородство и смерть одновременно. Я передаю все полномочия по ведению хозяйства представителю 1000 членов. Главный надзиратель, надеюсь, вы сделаете ферму "Самария" счастливым местом для работы".

Сунь У Хён замолчал и оглядел работников, которые сосредоточенно смотрели на него горящими глазами. Вот оно. Они концентрировались на каждом его слове, ведь от этого зависели их потери и прибыли. Именно поэтому капитализм быстро развивался.

"Те, кто верен, будут награждены, а те, кто грешит, будут сурово наказаны. Баронго, клянешься ли ты в верности мне, воину Азраила и представителю госпожи Эдель, Намир?"

"Да, господин!"

" Баронго выкрикнул приветствие в ответ.

Как и следовало ожидать от Баронго, его сообразительность и рефлекс были потрясающими.

"Азраил - ваш хозяин, а госпожа Эдель - истинный хозяин фермы Самария. Все поняли?"

"Да, господин!"

"Клянешься ли ты в верности мне, временному хозяину фермы, Намир?"

"Да, господин!"

"Я, Намир, буду защищать и давать вам много еды с помощью силы, данной мне моим хозяином, Азраилом. Что вы, ребята, дадите взамен?"

"Верность сэру Азраэлю!" - быстро ответил дворецкий Баронго.

"Преданность сэру Азраилу!" - ответили рабочие.

Сунь У Хён улыбался. Благодаря увеличению времени перерыва, питания и зарплаты, он организовал и взял под контроль рабочих. Результат был великолепен по сравнению с тем, что он сделал.

"Баки, возьми первую группу из 100 человек и обыщи места сражений. Собери все трупы и оружие. Остальные группы по 100 человек продолжают свои повседневные дела. Начинайте!"

"Есть, сэр!"

Теперь лояльность была укреплена.

"Что нам делать с внешними рабочими, сэр?" спросил Баронго.

"Пусть они продолжают заниматься своими обычными делами. Соберите их здесь, как только они придут. Батлер, ты тоже будешь отвечать за внешних рабочих".

"Что нам делать с трупами?"

"Выкопайте подходящую яму на хлопковом поле и закопайте их всех. В следующем году хлопок наверняка будет хорошо цвести".

"Да, синьор!"

"Баронго, вызови врача. Лечи Ника и Эндуму и дай им достаточно еды. Я собираюсь сделать перерыв".

"Я приготовлю ванну и одежду, синьор".

"Дворецкий, я не знаю подробностей работы на ферме. Я даже не хочу знать. Разве там не горы работы? Тебе не нужно заботиться обо мне".

"Да, господин!"

Баронго долго смотрел на покачивающуюся спину Сунь Ухёна, пока тот уходил. Его темные глаза жадно блеснули.

"Хе-хе, Омбути, ты назвал меня мускулистым ублюдком, да? Просто использовать мою силу для Вакиля и ничего больше? Я тот, кто может добиться своего".

Сун У Хён вернулся в дом, преисполненный гордости.

Сун У Хён был человеком, который с 20 лет присматривался к капиталистической структуре. Он получил некоторое представление об этой структуре, странствуя по другим странам за пределами Северной Кореи.

Злобные монстры и невинные люди - все они были людьми. Сунь У Хён старался изо всех сил, но соблазн абсолютного возвышения благ и статуса не был легким. Доходило до того, что невинный человек превращался в монстра.

Му Санг заменил старую черепицу на крыше храма, а также телевизор и холодильник, которые постоянно теряли электричество. Он превратил боковой домик храма в кухню и оборудовал ванную комнату современной системой смыва. Удивительно, но объем работы продвигался быстро.

На 90 процентов обновление черепицы заключалось в основном в переносе грязи и черепицы на крышу. Для него это не было сложной работой. Му Санг укладывал на крышу необходимую грязь и черепицу еще до того, как звали рабочих.

Если он слегка перекачивал ноги с несколькими плитками в руках, то мгновенно оказывался

на крыше. Это не была тяжелая работа. Рабочие часто наклоняли головы. Монах Дэ У не произносил ни слова. Вместо этого он время от времени улыбался. Замена крыши была завершена в течение двух недель. Оставалось еще 10 дней до окончания работ по очистке души.

Когда Му Санг возвращался из продуктового магазина, в поле его зрения попала телефонная будка. Он импульсивно сунул монету в 50 вон в щель будки. Его пальцы замерли, прежде чем он успел повернуть циферблат. Он чуть не набрал номер дома Хэ Ён.

"Хаа!"

раздался протяжный вздох. Голова забыла, а пальцы - нет. Му Санг оторвал палец от циферблата и долго смотрел на цифры. Не было такого места, куда бы он отчаянно хотел позвонить.

Человеческие связи Му Ссанга были ограничены. Он не любил заводить новые связи с людьми.

Это был результат накопленной ужасной травмы, полученной за пять лет, которые он провел в качестве раба в доме своего дяди, бесчеловечного обращения, которое он получил от соседей в полузатопленном городе на мосту, и людей, которые использовали и наносили ему удары с раннего возраста. Эти печальные воспоминания мешали ему.

Эта тенденция усиливалась по мере того, как он жил жизнью джентльмена. Он ненавидел вмешиваться в жизнь других людей и не мог смириться с тем, что другие вмешиваются в его жизнь. Отчужденный характер Му Ссана был одной из причин, по которой монах Дэ У заставил его уехать за границу.

Rrring-

Rrring-

Он хотел связаться с Чжин Сун, но было уже слишком поздно. Он не был в отчаянии, но почувствовал, как его задевают сердечные струны.

Старший патрульный офицер Пак Му Хо из отдела Инчже.

Это был глубокий голос, которого он не слышал уже пять лет. Как панорама, он вспомнил те дни, когда он вместе с Му Хо совершал поход в заповедник Инчже.

"Хён, я Му Ссанг".

"Что? Ты, чертов ублюдок, где ты?"

Грубый, скрипучий голос, переданный по линии, ударил по барабанным перепонкам.

"Я вернулся в страну несколько дней назад".

"Вернулся? Ты был за границей?"

Ах!

Он ничего не сказал Му Хо Хёну[2], когда уезжал из страны. Разговор становился все более запутанным.

"Ничего особенного. Я просто вышел, чтобы разобраться кое с чем".

Через несколько мгновений раздался довольно раздраженный голос.

"Как скажешь. Мина хорошо растет. Она закончила школу в этом году. Она очень скучает по тебе, и это проблема. В остальном все хорошо. Бабушка Пак скончалась в прошлом году. Остальные старейшины в порядке".

Старший патрульный Пак знал личность Му Ссанга лучше, чем кто-либо другой. Он убрал все ненужные детали и сразу перешел к делу.

"У вас достаточно денег на образование Мины?".

"Ты, маленькая дрянь, о чем ты вообще говоришь? Денег, которые ты дал нам от продажи перца, все еще более чем достаточно. Не волнуйся. Мне передать трубку Мине?".

"Не надо. Нет причин расшатывать нормальную девушку".

"Похоже на то. Эта девочка слишком много за тобой ходила".

Ребенок-эксперимент номер пять, о котором он заботился во время побега с горы Бан Тхэ и не мог игнорировать, была Мина. Он попросил Му Хо позаботиться о ней, так как сам был не в состоянии ее воспитывать.

После того, как он узнал о местонахождении Мины и старейшин, говорить было особо не о чем. Один был молчаливым человеком, а другой - скрытным, как горный разбойник.

"Я скоро навещу вас".

"Да. Делай, что можешь, пока твой разум не успокоится".

Му Хо все еще думал, что он борется с женскими проблемами.

Му Ссанг некоторое время стоял молча после окончания разговора. Он не спрашивал ни о здоровье Му Хо, ни о здоровье его жены. Это было не что-то крутое, а феномен апатичного ума. Он не был таким плохим даже тогда, когда его рассудок ухудшался.

Мина!

Она была ребенком, который называл его папой, ребенком, который родился от изнасилования распутником умственно отсталого Ли Сук Джа, и ребенком, который был брошен отцом после того, как он убил свою жену за то, что она ему мешала.

Закон был далеко, а деньги - близко. Нет, закон был бесполезен перед деньгами. Он позаботился о том, чтобы этот человек до конца жизни ездил в инвалидном кресле, сломав ему суставы. Однако какой в этом был смысл? Мина уже стала сиротой.

Он вдруг с отчаянием понял, что судьба его безысходна, пока он плыл по течению, как утиная водоросль без корней.

"[3] Грязные б*яки, если вы отказались быть людьми, я дам вам условия быть животными".

[1] Это бокалообразный барабан африканского происхождения, вырезанный из цельного куска африканского твердого дерева с головой из шкуры животного.

[2] Старший брат.

[3] Даже небеса однажды закончатся, несмотря на свою вечную форму, но ненависти в сердце нет конца!

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2164995>